

89-9
702

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА БОРЬБЫ ЗА СОЦИАЛИЗМ

10629.

ф.

Хрестоматия по истории Р. К. П.

БИБЛИОТЕКА
ИМЕНИ ТОВАРИЩА ЛЕНИНА.

к

Издательство Заккрайкома Р. К. П. (б.).
Т и ф л и с
1923.

Инд. № ~~27966~~

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
От редакционной комиссии.	3
Двадцать пять лет РКП	5
Опыт РКП—достояние мирового коммунизма	7
Особенности развития РКП	7
В борьбе с какими врагами возникла и развилась РКП	8—10
Образование с.-д. партии. Зарождение большевизма	11—13
Главнейшие этапы в развитии большевизма	13—16
Возникновение и развитие РКП (большевиков).	16—17
На заре рабочего движения.	19
Первый с'езд Р. С.-Д. Р. П.— <i>Б. Эдельмана.</i>	21—26
Манифест Р. С.-Д. Р. П.	26—27
Решения первого с'езда Р. С.-Д. Р. П.	27
Дальнейшая судьба некоторых организаторов перв. с'езда— <i>В. Невскою.</i>	27—28
Северно-Русский Рабочий Союз— <i>Г. Плеханова.</i>	28—30
Программа Северно-Русского Рабочего Союза— <i>Н. Батурина.</i>	30
Благоевская группа— <i>В. Невскою.</i>	31—32
Проект программы Благоевской группы	32
Рабочие кружки в Петербурге.— <i>В. А. Шелунова.</i>	32—34
Первые маевки в России— <i>С. Валка.</i>	34—37
О первом кружке С.-Д.Р.П. г. Екатеринослава в 1894 г.— <i>А. Смирнова.</i>	37—38
Петербургские стачки 1896 г.— <i>В. Колменского.</i>	39—40
Николаевский Южно-Русский Союз— <i>В. Стратена.</i>	40—44
Полузабытое— <i>М. Эссен.</i>	44—46
От первого до второго с'езда— <i>Л. Мартова.</i>	46—51
Июльские стачки— <i>Д. Сверикова.</i>	52
О чем говорят нам июльские дни— <i>В. Засулч.</i>	52—54
На пути к власти.	55
С.-д. организация в Петербурге накануне 9-го января— <i>В. Невскою.</i>	57—59
9-е января 1905 года— <i>М. Горького.</i>	59—61
Перед грозой— <i>Д. Сверикова.</i>	61—63
Петербургский Совет в 1905 г.— <i>Л. Троцкого.</i>	63—68
После 1905 года— <i>М. Ольминского.</i>	68—69
Под гнетом контр-революции	69—72
Ленский расстрел— <i>Г. Лелевича.</i>	72—75
Политическая стачка в России— <i>Л. Каменева.</i>	75—78
Выход из подполья— <i>В. Н. Залежского.</i>	79—81
Приезд тов. Ленина в Россию— <i>Ф. Раскольникова.</i>	81—83
Октябрьская революция— <i>Л. Троцкого.</i>	83—84
Об историческом смысле Октября— <i>Я. Яковлева.</i>	84—86
Коммунистическая партия после Октября— <i>А. Эссена.</i>	86—87
На шестой год— <i>В. Молотова.</i>	87—90
Борьба за революционный марксизм.	91
Истинные задачи социалистов в России— <i>Г. Плеханова.</i>	93—96
Речь на Междунар. раб социал конгрессе в Париже в 1889 г.— <i>Г. Плеханова.</i>	96—97
Русские субъективисты— <i>Г. Плеханова.</i>	97—99
Стихийность масс и сознательность соц.-демократии— <i>Н. Ленина.</i>	100—102
Партийность и кружковщина— <i>Н. Ленина.</i>	102—103
Две тактики— <i>Н. Ленина.</i>	103—107
Революционный авантюризм— <i>Н. Ленина.</i>	107—111

	Стр.
Бойкот Первой Думы— <i>Н. Ленина</i>	111—113
Руководитель демократической революции или ее орудие?— <i>Л. Каменева</i>	113—114
Об отзовизме— <i>Л. Каменева</i>	114—117
С.-демократические октябристы— <i>Г. Плеханова</i>	117—118
Ликвидаторы и рабочее движение— <i>Л. Каменева</i>	118—120
Об эмпириокритицизме— <i>Н. Ленина</i>	121
Об эмпириомонизме— <i>Г. Плеханова</i>	121—123
Не по дороге— <i>Л. Каменева</i>	123—125
Манифест о войне—Цен. Ком. Р. С.-Д. Р. П.	125—126
От ликвидаторства к национал-ликвидаторству— <i>Г. Зиновьева</i>	127—129
О „демократии“ и диктатуре— <i>Н. Ленина</i>	130—131
Диктатура пролетариата— <i>Л. Троцкого</i>	131—133
О самоопределении наций— <i>Н. Ленина</i>	133—134
Революционная тактика и „левое“ доктринерство— <i>Н. Ленина</i>	134—136
О компромиссе— <i>Н. Ленина</i>	137
Пролетариат и крестьянство— <i>Н. Ленина</i>	138—141
Партийная пресса	143
Партийная пресса в России— <i>М. Эссен</i>	145—146
Марксизм в ранней русской литературе— <i>П. Орловского</i>	146—148
„Рабочая Заря“ № 1	148—149
Легальный марксизм— <i>П. Орловского</i>	149—151
Спор народников с марксистами— <i>Б. Горева</i>	152—153
Журнал „Наше Дело“— <i>В. Невского</i>	153—155
Группа „Рабочей Газеты“— <i>Б. Эйдельмана</i>	155—158
Объявление об издании „Искры“	158—159
Рабочая газета „Правда“— <i>М. Ольминского</i>	160—166
Газета „Правда“ и заграничный большевистский центр— <i>Г. Зиновьева</i>	166—168
„Голос“ и „Наше Слово“— <i>Л. Троцкого</i>	168—169
Последняя нелегальная типография— <i>Лашиса</i>	169—170
Наши вожди	171
Беглые мысли о Плеханове— <i>Л. Троцкого</i>	173—174
Плеханов в борьбе с противниками революционного марксизма— <i>Б. Горева</i>	175—177
Плеханов и Октябрьская революция— <i>Н. Порданского</i>	177—178
О литературном наследстве Плеханова— <i>Л. Дейча</i>	178—179
Вожди пролетарской революции— <i>М. Эссен</i>	179—181
Национальное в Ленине— <i>Л. Троцкого</i>	181—182
Ленин, как революционный теоретик— <i>Н. Бухарина</i>	182—183
Организатор и вождь РКП— <i>Н. Сталина</i>	184—186
Автобиографическая заметка— <i>Л. Троцкого</i>	186—188
Первые шаги— <i>В. Невского</i>	188
Л. Троцкий—организатор победы— <i>К. Радек</i>	189—191
Партия на Кавказе	193
На заре рабочего движения (1893—1903 г.г.)— <i>С. Годрия</i>	195—196
Падение Советской власти в Баку в 1918 году— <i>А. Эссена</i>	196—202
К истории Компартии в Закавказьи— <i>Ф. Махарадзе</i>	202—209
Первое первомайское празднование в Гурии— <i>Ф. Каландадзе</i>	209—211
Из славной истории 1903—1910 гг.	211—212
Из истории Компартии в Грузии— <i>Т. Жикети</i>	213—215
Коммунисты в Армении— <i>С. Ханояна</i>	215—221
Основные моменты развития Азерб. Компартии— <i>Д. Гусейнова</i>	221—226
Воспоминания о революционном движении в Закавказьи— <i>С. Якубова</i>	226—227
К истории празднования 1-го мая на Кавказе	227—234
История подпольной печати	235—245
Из прошлого нашей партии (1904—1908 г.г.)— <i>А. Стопани</i>	245—252
К истории Компартии на Тереке— <i>С. Такова</i>	253—

носиво торжеству международного революционного движения во всей Европе. Спрашивается только, при каких условиях революционное движение в России может одержать победу над русским абсолютизмом?

Некоторые писатели, фантазия которых значительно превышает социально-экономические сведения, рисуют Россию страной вроде Китая, которая по своей экономической структуре ничего не имеет общего с Западом. Это совершенно ложно. Старые хозяйственные основы России находятся в процессе полного разложения. Наша сельская община, столь любимая некогда даже некоторым социалистам, а на деле составлявшая главную опору нашего абсолютизма, все более и более делается в руках сельской буржуазии орудием для эксплуатации большинства земледельческого населения. Беднейшая часть крестьянства вынуждена переселяться в города и промышленные центры, а одновременно с этим крупная фабричная промышленность растет, поглощая процветающую некогда кустарную промышленность в деревнях. Побуждаемое нуждой в деньгах, наше самодержавное правительство всеми силами содействует этому процессу

развития капитализма в России. Нам, социалистам, эта сторона его деятельности может доставить только удовольствие, потому что этим путем оно само копает себе яму. Пролетариат, образующийся вследствие разложения сельской общины, нанесет смертельный удар самодержавию. Если оно, несмотря на героические усилия русских революционеров, до сих пор не побеждено в России, то это объясняется изолированностью революционеров от народной массы. Силы и самоотвержение наших революционных идеологов могут быть достаточны для борьбы против царей, как личностей, но их слишком мало для победы над царизмом, как политической системой. Задача нашей революционной интеллигенции сводится, поэтому, по мнению русских социал-демократов, к следующему: она должна усвоить взгляды современного научного социализма, распространить их в рабочей среде и с помощью рабочих приступом взять твердыню самодержавия. Революционное движение в России может восторжествовать только, как революционное движение рабочих. Другого выхода у нас нет и быть не может.

Русские субъективисты.

Изучение русской действительности привело Маркса в семидесятых годах к условному заключению: «Если Россия будет продолжать идти по тому пути, на который она вступила со времени освобождения крестьян, то она сделается совершенно капиталистической страной, а после этого, раз попавши под ярмо капиталистического режима, ей придется подчиниться неумолимым законам капитализма наравне с другими народами-профанами».

Вот и все. Но русский человек, желающий трудиться для блага своей родины, не может удовольствоваться таким условным выводом: у него неизбежно возникает вопрос: будет ли продолжать она идти по этому пути? Не существует ли данных, позволяющих надеяться, что путь этот будет ею оставлен?

Чтобы ответить на этот вопрос, надо обратиться к изучению фактического положения страны, к анализу современной ее внутренней жизни. Русские ученики Маркса, на основании такого анализа, утверждают: да, будет продолжать. Нет данных, позволяющих надеяться, что Россия скоро покинет путь капиталистического развития, на который она вступила после 1861 г. Вот и все.

Г. г. субъективисты думают, что «ученики» ошибаются. Им надо доказать это с помощью данных, доставляемых тою же русской действительностью. «Ученики» говорят: Россия будет продолжать идти по пути капиталистического развития не потому, что существует какая-то внешняя сила, какой-то таинственный закон, толкающий ее на этот путь, а потому, что нет фактической внутренней силы, которая могла бы сдвинуть ее с этого пути. Если г. г. субъективисты думают, что такая сила есть, то пусть они скажут, в чем она заключается, пусть они докажут ее присутствие. Мы очень рады будем их выслушать. До сих пор мы не слышали от них на этот счет ничего определенного.

— Как нет силы, а наши идеалы на что?—восклицают наши дорогие противники.

Ах, господа, господа. Право, вы наивны, до умилительности. Ведь вопрос-то в том и заключается, как осуществить, допустим, хоть ваши идеалы, хотя они

представляют собою нечто довольно-таки нескладное. Поставленный таким образом, вопрос принимает, правда, очень прозаический характер, но пока он остается неразрешенным, ваши «идеалы» будут иметь лишь «идеальное» значение.

Привели доброго молодца в каменный острог, посадили за запоры железные, окружили стражей неусыпной. Добрый молодец только усмехается. Он берет заранее припасенный уголек, рисует на стене лодочку, садится в нее и... прощай тюрьма, прощай стража неусыпная, добрый молодец опять гуляет по свету белому...

Хорошая сказка. Но... только сказка. В действительности, нарисованная на стене лодочка еще никогда, никого и никуда не уносила.

Уже со времени отмены крепостного права, Россия явно выступила на путь капиталистического развития. Г. г. субъективисты прекрасно видят это, они сами утверждают, что старые экономические отношения разлагаются у нас с поразительной, все более и более увеличивающейся скоростью.—Но это ничего,—говорят они одним другим:—мы посадим Россию в лодочку наших идеалов, и она уплывет с этого пути за тридевять земель, в тридешатое царство.

Г. г. субъективисты хорошие сказочники, но... «вот и все». Вот и все,—а ведь это страшно мало, и никогда еще сказки не изменяли исторического движения народа, по той же самой прозаической причине, по которой ни один еще соловей не был накормлен баснями.

У г. г. субъективистов принята странная классификация «русских людей»... на две категории: те, которые верят в возможность уплыть на лодочке субъективного идеала, признаются хорошими людьми, истинными народными доброжелателями. Тем же, которые говорят, что эта вера решительно ни на чем не основана, приписывается какая-то неестественная злонамеренность, стремление уморить русского мужика с голода. Никогда еще ни в одной мелодраме не фигурировало таких злодеев, какими должны были бы быть, по мнению г. г. субъективистов, последовательные русские «экономические» материалисты. Это удивитель-

ное мнение столь же основательно, как основательно было уже знакомое читателю мнение Гейнцена, который приписывал Марксу намерение оставить немецкий народ „hungern und verhungern“.

Г. Михайловский спрашивает себя, почему именно теперь явились господа, способные «с спокойной совестью обречь миллионы людей на голодную смерть и нищету». Г-н С. Н. Кривенко думает, что раз последовательный человек решил, что в России неизбежен капитализм, то ему остается лишь «стараться... о капитализации промыслов, о развитии кулачества... о разрушении общины, об обезземелении населения и вообще о выкуривании лишнего мужика из деревни». Г-н С. Н. Кривенко думает так единственно потому, что сам не способен к «последовательному» мышлению.

Гейнцен признавал за Марксом, по крайней мере, пристрастие к труженикам, носившим на себе «фабричный штемпель». Г. г. суб'ективисты не признают, повидимому, в «русских учениках Маркса» даже и этой маленькой слабости: они, мол, последовательно ненавидят всех сынов человеческих до единого. Всех их хотелось бы им уморить с голода, за исключением, пожалуй, представителей купеческого сословия. В самом деле, если бы г. Кривенко допускал в «учениках» некоторые добрые намерения в отношении фабричных рабочих, то не написал бы он только что цитированных строк.

«Стараться... вообще о выкуривании лишнего мужика из деревни». С нами крестная сила. Зачем же стараться? Ведь прилив новых рабочих рук в среду фабричного населения поведет к понижению заработной платы. Ну, а ведь даже и г. Кривенко известно, что понижение заработной платы не может быть полезно и приятно рабочим. Зачем же станут последовательные «ученики» стараться принести рабочему вред, сделать ему неприятность? Ясно, что эти люди последовательны только в своем человеконенавистничестве, что они не любят даже и фабричного рабочего. А может быть, и любят, да на свой особый лад—любят—и потому стараются навредить: «люблю, как душу, трясу, как грушу». Странные люди. Удивительная последовательность.

«Стараться... о развитии кулачества, о разрушении общины, об обезземелении населения». Какие ужасы! Но зачем же стараться обо всем этом? Ведь развитие кулачества и обезземеление населения может отразиться на понижении его покупательной способности, а понижение его покупательной способности поведет к понижению спроса на фабричные изделия, понизит спрос на рабочую силу, т. е. понизит заработную плату. Нет, последовательные «ученики» не любят рабочего человека. Да и одного ли рабочего человека? Ведь уменьшение покупательной силы населения вредно отразится даже на интересах предпринимателей, составляющих, по уверению г. г. суб'ективистов, предмет нежнейших попечений для «учеников». Нет, что ни говорите, а удивительные люди эти ученики.

«Стараться... о капитализации промыслов»... не «стесняться ни скупкою крестьянской земли, ни открытием лавок и кабаков, ни иною нечистоплотной деятельностью»... Но зачем же все это будут делать последовательные люди? Ведь они убеждены в неизбежности капиталистического процесса; следовательно, если бы заведение, например, кабаков было существенной частью этого процесса, то неизбежно явились бы кабаки (которые, надо думать, теперь не существуют). Г-ну Кривенко кажется, что нечистоплотная деятельность должна ускорить движение капиталистического процесса. Но, опять скажем, если

капитализм неизбежен, «нечистоплотность» явится сама собою. Чего же так «стараться» о ней последовательным ученикам Маркса?

— Тут уже теория умолкает у них перед требованием нравственного чувства: видят, что нечистоплотность неизбежна, обожают ее за эту неизбежность и со всех сторон спешат к ней на помощь, а то мол не скоро управится без нас бедная неизбежная нечистоплотность.

Так, что-ли, г. Кривенко? Если—нет, то все ваши рассуждения о «последовательных учениках» никуда не годятся. А если—да, то никуда не годится ваша личная последовательность, ваша собственная «познавательная способность».

Возьмите, что вам угодно, хотя бы капитализацию промыслов. Она представляет собою двусторонний процесс: появляются, во-первых, люди, скопляющие в своих руках средства производства, а, во-вторых, люди, употребляющие в дело эти производительные средства за известную плату. Положим, что нечистоплотность составляет отличительную черту людей первого разряда, но ведь те, которые по найму трудятся на них, могут, кажется, и миновать эту «фазу» нравственного развития. А если так, то что же будет нечистоплотного в моей деятельности, если я посвящу ее этим самым людям, если я буду развивать их самосознание и отстаивать их материальные интересы? Г. Кривенко скажет, может быть, что такая деятельность замедлит развитие капитализма. Нисколько. Пример Англии, Франции и Германии покажет ему, что там такая деятельность не только не замедлила развитие капитализма, но, напротив, ускорила его, чем, между прочим, приблизила и практическое решение некоторых тамошних проклятых вопросов.

Или возьмем разрушение общины. Это тоже двусторонний процесс: крестьянские наделы скопляются в руках кулаков; все большая и большая часть прежде самостоятельных хозяев обращается в пролетариев. Все это, разумеется, сопровождается столкновением интересов, борьбой. Приходит на этот шум «русский ученик», воссылает краткий, но прочувствованный гимн «категории необходимости» и... открывает кабак. Так поступит самый «последовательный»; более умеренный ограничится открытием лавочки. Так, что-ли, г. Кривенко? А почему бы «ученику» не стать на сторону деревенских бедняков?

— Но если он захочет стать на их сторону, он должен будет стараться мешать их обезземелению.— Ну, положим, должен стараться.—А это замедлит развитие капитализма.—Нисколько не замедлит. Напротив, даже ускорит его.—Г. г. суб'ективистам все кажется, что община «сама собою» стремится перейти в какую-то «высшую форму». Они заблуждаются. Единственное действительное стремление общины—это стремление к разложению, и чем лучше было бы положение крестьянства, тем скорее разложилась бы община. Кроме того, разложение может произойти при условиях, более или менее выгодных для народа. «Ученики» должны «стараться» о том, чтобы оно совершилось при условиях, наиболее для него выгодных.

— А почему бы не предупредить самого разложения?

— А почему вы не предупредили голода 1891 года?—Не могли.—Мы верим вам, и мы сочли бы наше дело проигранным, если бы нам оставалось только отнестись на счет вашей нравственности подобные независимые от вас события, вместо того, чтобы опровергать ваши воззрения с помощью логической аргументации. Но зачем же вы воздаете нам другою мерою? Зачем вы, в спорах с нами, изображаете народную нищету, как будто бы она была нашим делом? Потому что там, где

не вывозит логика, вывозят иногда слова, особенно жалкие слова. Вы не могли предупредить голода 1891 года. Кто же поручится, что вы сможете предупредить разложение общины, обезземеление крестьянства? Возьмем столь любезный эклектикам средний путь: вообразим, что в некоторых случаях вам удастся предупредить все это. Ну, а в тех случаях, где ваши усилия окажутся неудачными, где, вопреки им, община все-таки разложится, где крестьяне все-таки окажутся безземельными,—как будете вы поступать с этими жертвами рокового процесса? Харон перевозил через Стикс только такие души, которые в состоянии были заплатить ему за этот труд. Станете ли вы принимать в вашу лодочку, для перевозки в царство субъективно-го идеала, только действительных членов общины? Станете ли вы отбиваться веслами от сельских пролетариев? Вы, вероятно, сами согласитесь, господа, что это было бы очень «нечистоплотно». А раз вы соглашаетесь с этим, то вам придется поступить по отношению к ним совершенно так, как, по нашему мнению, следует поступать всякому порядочному человеку, т. е. не заводить кабаки для продажи им дурмана, а увеличивать силу их сопротивления против кабака, против кабатчика и против всякого дурмана, какой только подносит или будет подносить им история.

Или, может быть, теперь мы начинаем рассказывать сказки? Может быть община не разлагается? Может быть, обезземеление народа не совершается фактически? Может быть, мы выдумали это с единственной целью ввергнуть в нищету крестьянина, пользовавшегося до сих пор завидным благосостоянием? Но разверните любое исследование ваших же единомышленников, и оно покажет вам, как обстояло до сих пор, т. е. раньше, чем бы хотя один «ученик» открыл кабак или завел лавочку. Когда вы спорите с нами, вы изображаете дело так, как будто народ живет уже в царстве ваших субъективных идеалов, а мы, по свойственному нам человеконенавистничеству, тащим его за ноги вниз, в прозу капитализма. Но дело обстоит как раз наоборот: существует именно капиталистическая проза, а мы спрашиваем себя: как бороться с этой прозой, как поставить народ в положение, хоть немного приближающееся к «идеальному»? Вы можете находить, что мы отвечаем на этот вопрос неправильно, но зачем же извращать наши намерения? Ведь, право же, это «нечистоплотно»; право же, такая «критика» недостойна даже «суздальцев».

Но как же бороться с капиталистической прозой, которая, повторяем, уже существует независимо от наших и от ваших усилий? У вас один ответ: «закрепить общину», упрочить связь крестьянина с землей. А мы отвечаем вам, что это ответ, достойный лишь утопистов. Почему? Потому что это—отвлеченный ответ. По вашему, община хороша всегда и везде, а, по нашему, отвлеченной истины нет, истина всегда конкретна, все зависит от обстоятельств времени и места. Было время, когда община могла быть полезной всему народу; есть, вероятно, и теперь местности, где она выгодна для земледельцев. Не мы станем восставать против такой общины. Но в целом ряде случаев община превратилась в средство эксплуатации крестьянина. Против такой общины мы восстаем, как против всего вредного для народа. Припомните того кре-

стьянина, который у Г. И. Успенского платит «спуста». Как следует, по вашему, поступить с ним?—Перевезти его в царство идеала—отвечаете вы. Очень хорошо, перевозите с господом. Но пока он еще не сидит на лодочке идеала, пока лодочка еще не подехала к нему и пока еще неизвестно, когда она подедет, не лучше ли было бы ему избавиться от платежа «спуста». Не лучше ли ему перестать быть членом общины, которая обеспечивает ему только совершенно непроизводительные расходы, да разве лишь еще периодическую порку в волостном правлении? Мы думаем, что—лучше, а вы за это обвиняете нас в намерении умирить народ с голода. Справедливо ли это? Нет ли тут некоторой «нечистоплотности»? Или, может быть, вы, действительно, не способны понять нас? Неужели это так? Чаадаев говорил когда-то, что русскому человеку неизвестен даже силлогизм Запада. Неужели это как раз *voire cas*? Мы допускаем, что г. С. Кривенко совершенно искренно не понимает нас; допускаю это по отношению к г. Караеву, и по отношению к г. Южакову. Но г. Михайловский всегда казался нам человеком ума значительно более «острого».

Что придумали вы, господа, для улучшения свободы миллионов фактически обезземеленных крестьян? Когда речь заходит о платящих «спуста», вы умеете давать лишь один совет: хоть и платит он «спуста», а все-таки надо, чтобы не разрушалась его связь с общиной, потому что, когда разрушится она, ее уж не восстановишь. Конечно, это поведет за собою временные неудобства для платящих «спуста», но... «не беда, что потерпит мужик».

Таким-то образом и выходит, что наши г.г. субъективисты готовы приносить в жертву своим идеалам самые насущные интересы народа. Таким то образом и выходит, что их проповедь на деле становится все более и более вредоносной для народа.

«Быть энтузиасткой сделалось ее общественным положением», говорит Толстой об Анне Павловне Шерер. Ненавидеть капитализм стало общественным положением наших субъективистов. Какую пользу мог принести России энтузиазм старой девы? Ровно никакой. Какую пользу приносит русским производителям «субъективная» ненависть к капитализму? Тоже никакой.

Но энтузиазм Анны Павловны был, по крайней мере, безвреден. Утопическая же вражда к капитализму начинает положительно вредить русскому производителю, потому что делает нашу интеллигенцию крайне неразборчивой по отношению к средствам закрепления общины. Едва заговорят о таком закреплении, тотчас наступает тьма, в которой все кошки кажутся серыми, и г. г. субъективисты готовы любезно лобызаться с «Московскими Ведомостями». И все это «субъективное» умопомрачение идет как раз на пользу тому кабаку, который «ученики» собираются, будто бы, культивировать. Стыдно сказать, а грех утаить, утопические враги капитализма оказываются на деле пособниками капитализма, капитализма в самом грубом, в самом гнусном и в самом вредном его виде.

Г. Плеханов.

(«К вопросу о развитии монистического взгляда на историю»).